

З.А.Тимошенкова

НОВГОРОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В ПЕРИОД
ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НАЧАЛА XVII в.

В начале XVII в. русский народ подвергся жестоким попыткам. Последствия иностранной интервенции ощущались в большей или меньшей степени во всех областях Русского государства. Д.В.Готье подсчитал, что в 20 уездах Замосковского края к 1618 г. размеры пашни по сравнению с концом XVI в. сократились более чем в 20 раз, а численность крестьян и бобылей — более чем в 4 раза.¹ Волею судьбы и отрывочности сведений о северо-западе России, исследователи обычно пользовались лишь материалами по Заонежским погостам Обонежской пятинны.² В настоящее время мы располагаем материалами, позволяющими дать более полную характеристику хозяйства Новгородской земли начала XVII в.

О наличии документов по русской истории в фондах Государственного архива Швеции в Стокгольме русскими исследователями было известно еще с середины XIX в. В конце 30 — начале 40 гг. XIX в. в Стокгольмском архиве работал корреспондент Археографической комиссии С.В.Соловьев. Многие из скопированных им документов были напечатаны в изданиях Археографической комиссии. В конце XIX в. К.И.Якубов составил опись документов по Новгородской земле, хранящихся в Стокгольмском архиве. Документы по Новгороду были вывезены в Швецию Я.П.Деллагарди после заключения Столбовского мирного договора. В состав фонда входят в

основном материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за 1612-1617 гг. В 1959 г. Л.В.Черепинку удалось подробно ознакомиться с фондом новгородских документов, состоявшим из дозорных, приходно-расходных, ужиных и умолотных книг и других материалов приказного делопроизводства периода интервенции.³ Позднее были получены из Швеции микрофильмы этих документов.

Описания новгородских земель в 1612-1616 гг. осуществлялись русскими писцами по приказанию Я.Н.Делагарди и И.Н.Большого-Одоевского. Главной целью этих дозоров и обысков было выявление реальной платежеспособности крестьянских дворов, выяснение причин появления пустоты, получение сведений о передвижении крестьянского населения. Наиболее полно представлены в материалах Новгородской приказной избы Старорусский уезд и г. Старая Русса, которая с весны 1609 г. и до заключения мирного договора в Столбове являлась главной базой шведских войск на новгородской территории. Это же обстоятельство объясняет, почему последствия хозяйничания интервентов проявились здесь наиболее остро.

Уже в конце XV - начале XVI в. отчетливо видны специфические особенности хозяйства Старорусского уезда.

Наличие солеваренного промысла накладывало отпечаток на соотношение различных категорий землевладения в Старорусском уезде, на формы ренты и промыслов старорусских крестьян. Преобладающими формами землевладения к началу XVII в. на этой территории были дворцовые и черные волоости, непримосовенность которых являлась условием существования и расширения старорусского солеварения, приносящего большой доход казне. В уезде получали очень небольшие поместья (не более чем по 5-10 обож) лишь представители приказной администрации города и уезда. Небольшая часть земель оставалась в руках местных монастырей. Жизнь старорусских крестьян, а также крестьян ближайших погостов Новгородского уезда была тесно связана с соляным промыслом. Они обеспечивали варницы дровами, лесом для по-

стройки и ремонта варниц, оборудованием для варниц и тарой для соли. Они же возили соль к местам продажи. В крестьянских промыслах разных погостов наблюдается известная специализация. Деревянное оборудование варниц, холст и рогожи для мешков поставляли крестьяне ближайших к Старой Руссе погостов (Петровского, Воскресенского, Рашшевского). В этих же погостах изготовлялось и ремонтировалось железное оборудование варниц. Лес для устройства рассольных колодцев, труб, желобов заготавливали крестьяне отдаленных погостов Старорусского и Новгородского уездов.⁴ В период оккупации фонд дворцовых земель в Старорусском и других уездах Шелонской пятины значительно сократился вследствие раздачи этих земель в поместья сторонникам шведов, которые получили в 1612-1613 гг. более 5 тысяч четвертей дворцовых земель. В 1612 г. весь Славянский погост (149,5 обож) был отдан воеводе князю И.Н.Большому-Одоевскому.⁵ Одновременно с ним крупные поместья получили П.Якушкин, О.Оболенский и Смирной Отрепьев⁶ - в Чертицком погосте, Анцы Брякилев,⁷ Угрим Дупандин, Б.Дубровский, Г.Негановский, П.Григорьев - в Петровском погосте.⁸ Раздача ближайших к Старой Руссе земель в поместья усугубила вызванное разорением сокращение добычи соли в начале XVII в.

После заключения мирного договора со Швецией поместья вокруг Старой Руссы были ликвидированы, была удовлетворена просьба посадских людей и уездных крестьян восстановить прежний порядок, т.е. сохранить дворцовые владения вокруг Старой Руссы.⁹

Первое в XVII в. описание Старорусского уезда и города датируется 1607 г. и было проведено Ал.Безобразовым с товарищами. Это описание зафиксировало состояние хозяйства уезда, пережившего голод 1601-1602 гг. и поветрие 1606-1607 гг. Книжки, составленные Ал.Безобразовым, не сохранились, но в значительной мере их можно реконструировать благодаря дозорам 1611-1612 гг. и переписи 1622-1623 гг., для которых эти книжки служили главным справоч-

ным материалом.

В 1611-1612 гг. Старорусский и другие уезды были описаны вновь. Л. Милославский и Ф. Оничков описывали дворцовые и монастырские земли Старорусского уезда.

Поместные и монастырские волости во всех уездах и владения митрополита в Новгородском уезде описывались в 1612 г. дважды. Дозорные книги П. Ногина и подъячего Микиты Молчанова относятся к октябрю-декабрю 1611 г.¹⁰ В июле-августе 1612 г. в эти погосты были снова посланы дозорщики В. Березин, О. Одинцов и подъячий С. Шустов.¹¹ В материалах Государственного архива Швеции в Стокгольме сохранились описания поместий и монастырских вотчин в Пасозерье, Буряжском, Струпинском, Доворецком, Ретенском, Скнятинском и Илеменском погостах Новгородского уезда, а также многих погостов Порховского уезда.¹² Некоторые погосты Новгородского уезда, в частности Косицкий и Сабельский, дозирали Вас. Непшев и Як. Вешняков.¹³ В Старорусском уезде поместные земли описывали в феврале 1612 г. Ядан Рябинин (Петровский погост), в марте - Осип Ощерин и подъячий Ф. Марин,¹⁴ в июле - В. Березин «с товарищи».¹⁵

Описание 1611-1612 гг. показало, что наиболее пострадали от военных действий в этот период селения Порховского и Новгородского уездов, расположенные в районе р. Шелони, т.е. в тех местах, где проходил главный путь из Пскова в Новгород. Население этих погостов разоряли и убивали как отряды польско-литовских интервентов, так и полки новгородских детей боярских и шведов, осаждавших в 1611 г. Псков.¹⁶ В Скнятинском погосте Новгородского уезда все селения были разорены в 1610 г. отрядами польского полковника А. Лисовского. Польско-литовские интервенты сожгли крестьянские дворы, увели скот, разграбили имущество. Многие крестьяне были убиты. Жители колесных слобод Русцы и Слыцы пострадали не только от «Лисовского литовских людей» и от «псковских воров», которые разорили их и пожгли дворы, но также от «немецких людей» (шведов), которые, когда шли с ратными людьми из-под

А.А.Амосов

**О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОПИСЕЙ
МОНАСТЫРСКИХ АРХИВОВ.**

**(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОПИСЕЙ АРХИВА
АНТОНИЕВА-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ
XVII-XVIII вв.)**

Общезвестно, что архивы больших монастырей дошли до нас в гораздо лучшем состоянии, нежели архивы светских землевладельцев. Высокие стены, сравнительно хорошие помещения, пристальное внимание со стороны братии — служили известной гарантией сохранности документов. К этому же было направлено и копирование наиболее ценных актов /вплоть до составления специальных сборников — копийных книг/. Однако пожары, ход времени, утрата практической ценности явились причинами гибели множества грамот.

Встает задача выявления недошедших до нас документов. Существенную роль в этом играют старые описи монастырских архивов¹. Их можно использовать также в качестве источника по истории архивного дела в России. Опись в определенной степени отражает структуру архива, состав его, источники пополнения. Несколько описей одного архива позволяют проследить динамику развития его, изменение во времени структуры архива, пополнение его новыми документами. Неоднократное описание одного архива дает также возможность изучения развития приемов описания документов, эволюции представлений о ценности той или иной грамоты, словом, изучать зарождение и развитие во времени знаний и навыков, вызванных к жизни чисто практической потребностью сохранения, систематизации и какой-то первичной обработки документаль-

ных материалов архива. Подобный эмпиризм предшествовал научному развитию некоторых специальных /вспомогательных/ исторических дисциплин. Так, в исторической науке закрепились /хотя и не считаются общепризнанными/ понятия "практической палеографии"² и "практической дипломатики"³; по-видимому, практический период можно установить и в развитии других дисциплин.

Описи монастырских архивов можно считать одним из ранних видов регест. В настоящее время под термином "регесты" понимается преимущественно один из способов сокращенной публикации документов⁴, что вполне соответствует современному пониманию термина "археография". Прежде эти термины имели несколько иное значение. С.Н.Валк убедительно показал, что регесты, как вид публикации, возникли из потребностей преимущественно справочного характера⁵ и первоначально были своего рода каталогами актов. Такое понимание термина соответствовало и пониманию археографии как дисциплины, занимающейся выявлением и описанием документов⁶. Лишь параллельно с тем, как археография стала осмысляться в качестве науки, занимающейся преимущественно проблемами публикации документов, термин "регесты" приобрел свое современное значение. Именно поэтому мы считаем правомерным отождествлять ранние архивные описи с регестами периода зарождения практических навыков в работе с документами.

Своеобразие ранних описей архивов как исторических источников требует и своеобразных приемов анализа их. При анализе общих внешних признаков, какими являются количество листов, формат, переплет, филигранные, расположение текстов, основные почерки, а также таких внутренних признаков, как окрепы, нумерация тетрадей, листов, документов /или описательных статей/, применимы уже сложившиеся, традиционные приемы. При исследовании состава описей можно выделить ряд моментов, требующих рассмотрения в определенной последовательности. Изучение архитектоники описей, общих

схем их построения, своего рода формуляров описей, раскрывает перед нами структуру описываемого архива; сравнивая формуляры описей, мы получим картину последовательной организации архива. Анализ схем построения отдельных глав описей выявляет принцип распределения описываемых документов внутри данной главы, что в какой-то мере дает возможность судить о взглядах на архив, о степени практической ценности для монастыря определенной грамоты. Еще явней этот момент /практическая ценность грамоты/ вырисовывается при исследовании отдельных описательных статей, при сопоставлении формуляра описания акта с формуляром реального акта. Изучение описательных статей архивных описей предоставляет в наше распоряжение не только информацию о развитии приемов описания документов в данном архиве, но, в некоторых случаях, также и сведения о недодешедших до нас грамотах, известных только по упоминаниям в текстах других актов. Изучение отдельно взятой статьи описи требует фиксации ее стратиграфического окружения, что тесно связано с анализом архитектоники рукописи. Текстологический анализ описей, в сочетании с изучением помет и разного рода дополнительных записей дает возможность установить степень использования ранних описей при последующих описаниях архива. /Следует заметить, что ранние описи архивов правительственных учреждений уже давно привлекают внимание историков. Древнейшие описи опубликованы. Задача изучения и издания описей монастырских библиотек и архивов была выдвинута Н.К. Никольским еще в 1902 г.⁷; библиотечные описи нашли широкое отражение в литературе⁸/.

В настоящей статье кратко рассмотрены описи Антониева-Сийского монастыря середины XVII-XIII вв. Описи выявлены в ЦГАДА и Архиве ДООИ.

Самая первая из известных в науке описей Сийского архива содержится в описании всего монастыря, составленном в 1556 г. самим Антонием при отводе монастыря своему преем-

нику⁹. До конца XVI в. Сийский монастырь описывался еще как минимум дважды. В 1586 г. описан Постником Балакшиным при отводе от игумена Питирима новому игумену Гермогену¹⁰. Описание 1597 г., произведенное холмогорским денежным сборщиком Климом Бердниковым при отводе монастыря игумену Ионе, дошло до нас в составе сборника¹¹. Видимо, во вторую половину XVI в. в Сийском монастыре сложилась традиция полного описания при смене монастырских властей.

К подобным полным описаниям примыкает и рукопись, в составе которой содержится первая из рассматриваемых здесь описей - опись 1641 года¹². Данное описание сохранилось в двух экземплярах¹³. Первый лист описки ЦГАДА утрачен, однако по списку БАН можно установить, что описание проводилось в ходе правительственной ревизии, назначенной указом Михаила Федоровича¹⁴. Описание архивных документов расположено на лл. 45-159, 207-219 об., 223 об.-235, 241-244 об.

Следующая опись - 1646¹⁵ - находится в составе переписных книг денежной казны - до середины XVII в. архив входил в казну как составная часть. Однако уже через несколько лет архив выделяется из ведомства денежного казначея и образует независимое от него подразделение, во главе которого становится особое лицо; контроль за его деятельностью осуществляет специальная /видимо, не постоянная, а периодически собирающаяся/ коллегия отводчиков. Выделение архива /"крепостной казны"/ в автономную службу зафиксировано в описи 1652 г.¹⁶

После такой "архивной реформы" в Сийском монастыре наступило некоторое затишье, и, судя по всему, следующее описание было лишь через 20 лет, в 1673 году. В пользу такого предположения говорит то, что в описании 1673 года не назван предыдущий хранитель архива /видимо, он умер своей смертью незадолго до того/, а также наличие двух различающихся между собой текстов описания, из которых один был

Е.К. Пиотровская

"ЛЕТОПИСЕЦ ВСКОРЕ"

**КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА НИКИФОРА
И "ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА" 1073 г.**

Как известно, в одном из древнейших датированных памятников славянской письменности «Изборнике Свято-слава» 1073 г. (второй древней после Остромирова Евангелия русской книге) на лл. 264–266 после приписки дьякона Иоанна, писца Изборника, следует текст, озаглавленный: «Лѣтописыць въкратыць отъ Августа даже и до Константина и Зоя цесарь грѣчьскихъ». Он представляет собой краткие хронологические заметки с указанием дат правления римских и византийских императоров. Как указано в заглавии, текст начинается с указания времени правления римского императора Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) и кончается временем совместного правления византийского императора Константина VII Багрянородного и матери его Зои (923–919). Последние слова: «...Диотиклияносъ иго», как нам кажется, могли быть началом какой-то новой хронологической выкладки. Местами в текст вставлены сведения о наиболее значительных событиях, происшедших в период правления того или иного властителя (рождение Иисуса Христа, пленение Иерусалима Титом, заметки о первомучениках христианах Устине философе, «гнатию Богоносце, указано место погребения матери Константина Великого – церковь Святых Апостолов в Константинополе и т.д.). Кроме того, есть весьма отрывочные сведения о вселенских соборах.

После того как в 1817 г. П.М.Строевым была найдена рукопись, содержащая текст Изборника,¹ ученые XIX ст., занимаясь источниками статей памятника, соотносили текст хронологических выкладок с „Летописцем вскоре Константинопольского патриарха Никифора“,² сочинением, широко отразившимся в древнерусской письменности³ и восходящим к греческому тексту „Χρονογραφικόν βύβλιον“, автором которого был известный представитель иконоборческой эпохи, писатель и царьградский патриарх Никифор (758–828).⁴

Наукой уже давно было установлено, что „Изборник Святослава“ 1073 г. является списком с аналогичного болгарского сборника, выполненного для царя Симеона (893–927), а тот в свою очередь был списан с близкой по составу греческой рукописи. Однако ни в одном из известных в настоящее время греческих списков оригинала Изборника нет указанной хронологической статьи.⁵

Несколько лет назад болгарский ученый Б.Ст.Ангелов высказал предположение, что текст хронологических записей в Изборнике не является переводом „Χρονογραφικόν βύβλιον“. ⁶ Для анализа хронологических записей текста ученый привлек также текст так называемых „Историкии за бога vykратъцъ“, автором которого считается Константин Преславский, писатель IX в., ученик первоучителя славян Мефодия, представитель Преславской школы древних книжников. Труд его был первым хронологическим произведением болгарской письменности, выполненным в традициях византийской хронографии.⁷

Между всеми тремя произведениями („Летописцем вскоре“, текстом хронологических записей в Изборнике и трудом Константина Преславского) Б.Ст.Ангелов обнаруживает много общего, но абсолютного тождества не находит; он считает, что текст, помещенный в Изборнике, составлен на основании компиляции из трудов Константина Преславского и патриарха Никифора (не без элементов творчества) болгарским автором, который был близок кругу книжников – современников царя

Симеона. По мнению другого известного болгарского исследователя Э.Георгиева, присутствие в Изборнике текста хронологических выкладок и последняя крайняя дата, указывающая на время совместного правления Константина II Багрянородного и Зои, матери его, дает возможность определить время написания Изборника — до 920 г. (Зоя была сослана в монастырь Романом Лакапином в 919 г.), и кроме того, царь Симеон мог сам проявить интерес к помещению текста хронологических выкладок в Изборник, так как мечтал «да стане цар на «българите и ромеите» и да буде включен по тоя начин в подобните летописи». ⁸

Для изучения судеб распространения «Летописца вогоре Константинопольского патриарха Никифора» в древнерусской письменности важно точно определить, является ли текст хронологических выкладок «Изборника Святослава» 1073 г. переводом «Χρονογραφικόν βυβλιον» или его переделкой, ибо это в свою очередь связано с вопросом о времени появления интересующего нас хронографического памятника византийской письменности IX в. на Руси.

Прежде всего следует отметить тот факт, что из числа всех дошедших списков «Изборника Святослава» 1073 г. ⁹ текст хронологических выкладок находится только в древнейшем сохранившемся списке — ГИМ, Сян. № 161, XI в. ¹⁰

Из перечня и описания сохранившихся списков Изборника, составленного Н.К.Никольским, известно, что только один список — южнославянского происхождения (Хиландарский XIII в.), ¹¹ все остальные списки — русские.

Так как до сих пор нет полного текстологического анализа дошедших списков Изборника и критического издания текста, то трудно с уверенностью утверждать, что текст хронологических выкладок присутствовал еще в славянском протооригинале Изборника (в оглавлении статей в древнейшем списке этот текст не назван). ¹²

Можно назвать только работы Д.Масинга ¹³ и Н.Н.Розова, ¹⁴ в которых рассматриваются некоторые отдельные списки и приведены их особенности. В первой подробно охарактеризо-

ваны три рукописи XV-XVI вв. (ГИМ, Син. № 162; ГИМ, Барс. № 309; ПБ, Кир.-Бел. № 5/1082), а также копия XIX в., выполненная для графа Н.Румянцева. Здесь также даны и археографические наблюдения, сопоставления перечней статей и заметки о языке. Во второй дан историографический экскурс изучения Изборника, анализ работы Л.Мансинга, а также приведены некоторые сведения о списках, не рассмотренных автором первого исследования (Толстовский ПБ, Q I № 208, второй половины XV в.; ГБЛ, Волок. № 138/496; ПБ, Кир.-Бел. № 75/1152 начала XVI в.; Перемышльского «собора русских клирошан» (теперь Польская Национальная библиотека), XVI в.; список Библиотеки АН Литовской ССР в Вильнюсе, XVI в.). Н.Н.Розов отмечает совершенную полноту списка ПБ Q I, № 208, особенность заглавия списка ГБЛ Волок. № 138/496, считает, что список ПБ, Кир.-Бел. № 75/1152 - один из самых полных и исправных и что в изучении рукописной традиции памятника ему должна будет принадлежать особая роль. Н.Н.Розов полагает, что представляют интерес и два списка XVI в., это уже упомянутый выше список Перемышльского «собора русских клирошан» и Вильнюсской библиотеки АН Литовской ССР. Они одинаковы по составу, первая половина их текста (до гл. 18-й) тождественна тексту Изборника по другим спискам, зато другая - особая, так как переписаны только статьи в форме вопросов и ответов. Поэтому списки эти содержат гораздо меньшее число глав, чем основной текст Изборника. В этом проявился оригинальный отбор, критерий его был заранее обдуман («вопросно-ответный»), а самый тип рукописи - «Изборник» - предоставил переписчикам такую возможность составления древней книги.

В данной работе мы стараемся более точно определить, исходя из известных нам теперь наблюдений, явился ли текст хронологических выкладок Изборника переводом «Хронографу кду бургомю», а если нет, то не послужил ли последний источником для подобного хронологического перечня.

По классификации византийских хронографических произведе-